

Иванов очень любил морозные декабрьские вечера. Он их ждал.

Ждал, когда закончится долгое промозглое межсезонье с пасмурными днями, чёрными-чёрными ночами и унылым настроением. А декабрь представлялся Иванову светлым месяцем: дни становились морозными и солнечными, а вечера — белыми от выпавшего снега.

Бывало, таким вечером он приезжал в какой-нибудь тихий район города со старой застройкой, парковал автомобиль и шёл гулять по уютным улочкам и дворам. Иванов любил эти микрорайоны, построенные в пятидесятые годы: там ещё можно увидеть чугунную решётку забора с шаром на бетонном столбе, фасад дома с лепниной и маленькими, почти декоративными балкончиками. Так он мог бродить и час, и полтора, до тех пор пока не замёрзнет. Иванов разглядывал мигающие огоньки гирлянд в окнах горожан и отмечал про себя, что к Новому году теперь готовятся за месяц до его встречи. Везде: в магазинах, в домах, в офисах. Раньше было не так. Раньше — это когда Иванов был школьником. В то время ёлки устанавливали за день, за два до праздника. Украшения в магазинах были кустарными, они хранились в кладовке весь год и лишь на несколько дней извлекались, чтобы придать дополнительной радости покупателям, которые, деловито суетясь, приобретали шампанское и мандарины. Поскольку подготовка к празднику и сам праздник оказывались втиснутыми в эти три дня, то он получался каким-то концентрированным, ярким, шумным. И заканчивался быстро: уже второго января люди начинали работать, жизнь

возвращалась к привычному ритму. Сейчас к Новому году готовятся задолго, да и потом ещё две недели люди отдыхают, бездельничают, — оттого и ощущения праздника нет. Праздничность превратилась в обыденность и перестала приносить радость. А Иванову этого веселья и не надо, в свои пятьдесят шесть лет он уже тяготел к тишине, покою и размеренности.

Сегодня Иванов погулял минут сорок — подмораживало. Сел в свой «Ниссан» чёрного цвета, удобный автомобиль, восьмиместный. Иванов давно уже вёл жизнь человека свободной профессии. Он был хорошим плотником и неплохим столяром. У него имелось два автомобиля: небольшой японский грузовичок и этот восьмиместный «Ниссан». Тем и зарабатывал на жизнь. Иногда поступал заказ поставить сруб на дачном участке или беседку построить, одновременно занимался грузоперевозками, а порой и пассажирскими перевозками. Вот тут-то и удобен был восьмиместный автомобиль. «Бомбить» по городу он не любил, а если поступал заказ увезти группу, например, в аэропорт или вообще в другой город — такую работу он делал с удовольствием. Иванов жил по расписанию. Работал он преимущественно весной и летом. За это время успевал заработать столько, что всю зиму можно было отдыхать. В ноябре он проходил медицинское обследование у знакомого врача, которому строил на даче беседку. Сдавал кровь, делал кардиограмму, УЗИ. Затем приводил в порядок накопившиеся житейские дела. Декабрь просто отдыхал, в январе со своей женщиной летел куда-нибудь в Таиланд или на Гоа. А в феврале уже тосковал по работе и начинал деятельность по поиску новых заказов.

Зовут Иванова Петром Васильевичем, это крепкий мужик, широкоплечий, с большими сильными руками. Лицо у него грубоватое, с крупным носом и густыми сросшимися бровями. Бреется он, в отличие от современных мужчин, каждый день. В общем, он имеет тот брутальный вид, который особенно привлекателен для женщин после сорока лет. Хорошего образования Иванов в своё время не получил, но, являясь любителем книг, самостоятельно расширил свой кругозор до приличного уровня. В молодости, по глупости, Иванов оказался соучастником крупного хищения, за что два года отсидел на общем режиме. Собственно

говоря, именно там, работая в столярном цехе, он освоил профессию, которая кормила его всю оставшуюся жизнь. Ещё тогда, отбывая наказание, он ясно понял, что блатная жизнь — это не его поприще, здесь он, как тут говорят, отсохи на время. Так и случилось: освободившись, он старался никоим образом не дать ни малейшего намёка на то, что имеет за плечами лагерное прошлое. Редко-редко он срывался, особенно когда ему хамили, и тогда блатные словечки лились ровным потоком. И даже уход жены к другому не спровоцировал Иванова на то, чтобы с горя запить и пуститься во все тяжкие. А жена ушла. Ушла к другому, с сыном, которому к тому времени исполнилось четыре годика.

...Было это зимой 1992 года. Иванов освободился, узнал адрес и пришёл без предупреждения. Он очень волновался и боялся, что сорвётся, устроит скандал, драку — и что тогда? Новый срок?

Позвонил в дверь, открыла она. На красивом лице удивление, испуг. За её спиной показалось бледное лицо нового мужа. Взрослый мужик, лет тридцать пять, высокий. А потом Иванов услышал топот детских ножек и вопрос:

— Мама, кто там?

И тут же, протиснувшись между матерью и отчимом, возник светловолосый мальчуган и, не отрываясь, стал смотреть на Иванова такими же, как у Иванова, серыми глазами. Сын. Сын! У Иванова заныло сердце, он едва не разрыдался прямо здесь же. Но сдержался.

— Я войду? — спросил он очень спокойным и каким-то уставшим голосом.

Его впустили. Прошёл, в руках коробка заморских конфет — единственное, на что хватило денег. Подал сыну:

— Держи, Дима, это тебе.

Мальчик, продолжая смотреть на Иванова, спросил:

— А с мамой можно поделиться?

— Конечно, малыш. Она же мама.

Бывшая жена не стала препятствовать, чтобы Иванов виделся с сыном, и они виделись часто. Иванов забирал Диму на несколько дней, и даже когда у Иванова появилась вторая семья, их встречи не прекратились. У Иванова

родился ещё сын, и он хотел, чтобы дети были настоящими братьями. Удалось это сделать или не удалось? Трудно сказать. Иванов теперь часто об этом думал. Дети выросли и разъехались. Младший обосновался в Петербурге. Старший — тот и подавно уже несколько лет жил в Германии. Там, в Германии, у Иванова растут внуки, Питер и Анна.

Сын Димка ещё со школы дружил с девочкой Таней Вайс. Родители — этнические немцы, а по сути они ничем не отличались от простых русских людей. Но Танины дедушки и бабушки, в своё время проживавшие в Омской области в компактной немецкой деревне, знали язык, придерживались традиций и с началом перестройки в СССР быстро наладили связь с родственниками из ФРГ, а ещё через два года уехали в Германию на постоянное место жительства. Танины родители пока просто ездили в гости на историческую родину. Здесь, дома, было всё устроено: хорошая квартира, работа, машина, дача, гараж. А сколько друзей, всяких связей! Всё сами нажили, приросли к своему добру. Но всё же решились, поддались на уговоры родителей. Димка к тому времени вернулся из армии, Таня ждала. Сыграли свадьбу, причём Димка взял фамилию жены — Вайс. Дмитрий Вайс — звучит! А то Иванов, Иванов. Но дело даже не в этом, можно быть и Ивановым, — для жизни в эмиграции так лучше будет.

Уехали. Устроились. Со временем и Димкина мать, первая жена Иванова, тоже уехала и была очень довольна. Иванов поехал в гости, когда родился первый внук — Питер Вайс. Небольшой городок с труднопроизносимым названием, недалеко от Дюссельдорфа. Совсем маленький городок, почти игрушечный, как декорация к сказке братьев Grimm. Всё ухожено, чисто. Первые три дня Иванову было интересно, потом подступила какая-то тоска. Внук ещё маленький совсем, не поиграешь с ним. Все заняты делами. Ещё через три дня наступила тоска смертельная. Иванов думал: для чего они здесь? Здесь всё чужое. Чистое, ухоженное, но чужое. Ещё можно было понять, когда в девяносто первом уезжали, тогда дома было не пойми что. Но сейчас-то, сейчас и дома можно жить, главное — работай, не ленись. Оставшиеся дни гостил с большим трудом. Пугало ещё и то, что сын стал каким-то другим; нет, он был заботливым,

внимательным, но при этом каким-то чужим. А может, просто показалось? Перед самым отъездом, уже в аэропорту, Димка впервые завёл разговор о переезде Иванова.

— Отец (он уже давно его так называл: не «папа», а именно «отец»), ну а ты что думаешь? Как дальше жить собираешься? Мы все здесь, Женька в Питере. Тебе чего там одному мыкаться? Я хочу тебе предложить к нам перебраться, пока есть такая возможность.

Иванов растерялся:

— Дима, да я там не мыкаюсь, я живу. Да я и не один, ты же знаешь.

— Отец, мы уже не вернёмся, будем обосновываться здесь. Я хочу, чтобы мои дети жили здесь — в нормальном мире, среди нормальных людей. Я беспокоюсь за тебя, тебе уже пятьдесят. Ты извини, но я думаю обо всём заранее. Ты состаришься — и кто будет заботиться о тебе? А там, глядишь, и Женька к нам подтянется, ему тут нравится.

Не желая обидеть сына решительным отказом, Иванов тогда сказал, что нужно всё обдумать, что это всё непросто, ну и так далее. Иванов улетел домой, но с тех пор, неожиданно для себя, действительно стал думать над предложением сына. Так прошло несколько лет. Тем временем родилась внучка — Анна Вайс.

Однажды после бани пили пиво с мужиками, говорили обо всём, зашёл разговор о внуках.

— А представляете, братцы, мне какво? Вот я русский мужик — Петька Иванов, а внуки у меня Питер Вайс и Анна Вайс. И они не русские — они немцы... Национальность здесь даже ни при чём, они немцы по культуре, у них не будет русской души.

— Петруха, — отозвался седой худощавый собеседник по имени Егор, старый приятель Иванова, — а что это вообще такое — русская душа? Может, она и не нужна вовсе? Вырастут ребятишки и будут жить как люди.

— Егорка, а как должны жить люди? Что лучше для человека — жить на чужой земле среди своих людей или на своей земле среди чужих?.. Хотя на своей земле и люди-то свои, то есть я хотел сказать, что на своей земле, но без родственников. Что лучше?

Мужики стали спорить, потом как-то перешли на другую тему, и вопрос остался без ответа.

...Иванов включил зажигание, приглушённым синим цветом загорелась панель приборов, зашумел вентилятор печки, заработало радио. Запустил двигатель. Пока машина грелась, в голове опять закрутились мысли о Германии. Ехать или не ехать? Дело-то ещё в том, что зовут-то его одного, а Иванов не один — у него есть женщина, Надя, Наденька, красивая и добрая, никогда не докучающая никакими глупостями и практически во всём потакающая ему, Иванову. Живут уже почти десять лет, и дочка её, Настя, к Иванову очень хорошо относится. Настя уже взрослая, институт закончила, замуж вышла. А с Наденькой как получилось? Ушёл к ней от второй жены, не складывалось у них никак, в какой-то момент она просто сказала Иванову, что разлюбила. Для Иванова такое признание было сродни предательству, хотя что тут такого? Ну, разлюбила...

А с Наденькой уже был знаком, она работала продавцом в кулинарии, куда Иванов частенько заезжал перекусить. Тёмненькая, высокая, стройная. Одним словом — красивая. Каждый раз, заезжая в кулинарию, Иванов брал салат, пирожное и кофе. И каждый раз старался с ней заговорить, а она не манерничала, отвечала на вопросы. Разведена, живёт с дочерью, квартира есть. А у Иванова дома всё неладно. Всё. А Наденька в гости приглашает — как устоять? В общем, не устоял, ушёл из дома, вернее, даже не ушёл, а просто остался жить у Нади сразу же после первого прихода в гости. Так и живут до сих пор.

...Мотор греется, становится тепло. Звонит телефон — Наденька.

— Петь, ты где? Настя пришла, у нас заночует, мы ужинать собираемся.

— Наденька, да вы меня не ждите. Чего ютиться? Я у себя переночую. У Насти нормально всё?

— Нормально. Серёжка её в командировку уехал на три дня, ей одной скучно. К маме захотелось.

— Это же хорошо, когда к маме хочется. Насте — привет, вечером позвоню.

Иванов даже немного обрадовался, что предоставилась такая возможность побыть одному. Он стал замечать, что с возрастом тяготеет к уединению. От родителей осталась квартира, отец получал эту квартиру, ещё работая на заводе, было это пятьдесят лет назад.

Иванов любил иногда переночевать в родительском доме. Ему там было уютно и спокойно. Он смотрел телевизор, читал, звонил друзьям. Изредка звонил одной даме, Ирине Юрьевне. С ней знакомство состоялось два года назад, случайно. Занимаясь грузоперевозками, Иванов принял заказ привезти мебель: стол для компьютера, кресло, полку. Ирина Юрьевна работала главным бухгалтером в крупной компании, много работы приходилось брать на дом, и она решила, следуя моде, делить жилище на отдельные зоны, одну из трёх комнат оборудовать под кабинет. Жила она уже несколько лет одна. Мужа выгнала — злоупотреблял. Дети взрослые, самостоятельные. А она — сорок пять лет, вся ухоженная, не по годам гладкая, стройная, блондинка. Одета стильно, пахнет дорогими духами. В общем, очень интересная дамочка. Иванов, конечно, смотрелся на её фоне невыгодно: джинсы, рабочая куртка. Но пока он помогал грузчику заносить мебель, Ирина Юрьевна обратила внимание на его сильные руки. Ещё Иванов произвёл впечатление тем, что между делом в разговоре с грузчиком процитировал Маяковского: «...Все мы немного лошади...» Тут же зашёл разговор про лошадей, и Иванов вставил что-то про чеховскую «Лошадиную фамилию». Ирина Юрьевна посмотрела на него с интересом.

— А вы, случайно, не знаете, кто бы мог эту мебель собрать?

Иванов — человек опытный, сразу понимает, к чему дамочка клонит.

— Да тут же всё просто. Я смогу.

В общем, всё произошло предсказуемо до банальности — отношения завязались. Встречались нечасто, один-два раза в месяц. Причём Иванов ни разу не оставался у неё до утра, всегда уезжал ночевать к себе. Это выработалось как-то сразу, обоюдно и не сговариваясь: во-первых, после того, когда уже всё произошло, наступало опустошение и

совсем не хотелось разговаривать, а во-вторых, вечер есть вечер, а утро есть утро. Совершать весь утренний туалет в присутствии другого человека — не очень романтично. У Иванова эта связь вызывала двоякое чувство. С одной стороны — что он, не мужик, что ли? Ну, есть бабёнка на стороне, причём этакая, знаете ли. А с другой стороны — он этой связью тяготился, ему было стыдно перед Наденькой, которая не заслуживала такого к себе отношения. Вот так.

Да и происходили эти встречи как отрепетированная пьеса. Сначала ужинали, потом душ, спальня. Она ему говорила, какие у него сильные руки, целовала волосатую грудь, живот, и ниже, и ниже...

Короче, всё в жизни непросто, и даже такие приятные встречи стали Иванова сильно тяготить. От этого он стал терять бдительность. С Ириной он был необычайно галантен, интеллигентен и выдержан, а тут — заходят в подъезд, там двое молодых людей ждут лифт и, не обращая внимания на Иванова с Ириной, громко матерятся. Иванов возмутился.

— Ты это... звук убавь, — обратился он к одному, который был повыше ростом.

Тот ошалело посмотрел на Иванова:

— Ты чо, мужик?

— Мужик в деревне, на сеновале. Ты, парень, ничего не перепутал?

— А что я должен перепутать? — гонору у ребят поубавилось.

— Вахту с баней. Не перепутал? — эх, вырвался лагерный жаргон, а в голосе — зловещие нотки.

Высокий попытался что-то бормотать, но Иванов оборвал его, пообещав ему «разбить бубен», если тот не замолчит.

Лифт уже давно приехал, парней Иванов в лифт не пустил, уехали с Ириной на её этаж. Ира не скрывала восхищения, но при этом как бы укоряла для порядка:

— Иванов, откуда ты знаешь такие слова?

— Из кина, — отшучивался Иванов, — и из Чехова.

— Ну скажешь тоже — Чехов.

— А ты почитай «Дядю Ваню», где Войницкий говорит Телегину: «Заткни фонтан, Вафля!» Как это понимать?

Читайте классиков, учитесь разговаривать по-русски, — продолжал шутить Иванов.

Проблема ещё была вот в чём, да, впрочем, и не проблема — так, нюанс. Ирина постоянно говорила о своих благородных корнях, якобы предки были дворянами и всё такое. Поэтому у неё такая врождённая склонность к изысканности и гармонии. Иванов же всегда подчёркивал, что он крестьянский сын и все его предки — крестьяне. При этом Иванов активно интересовался литературой, живописью и архитектурой. А Ирина любила смотреть пошлые ток-шоу по телевизору.

...Машина уже прогрелась, и Иванов выключил двигатель, но продолжил сидеть в задумчивости. Ирина словно чувствовала, что он думал о ней, и позвонила:

— Алло, Иванов, ты сегодня сильно занят?

— Сегодня?.. Сегодня, пожалуй, занят.

— Ты что такой неуверенный? Случилось что-то? — в голосе Ирины слышалось лёгкое недовольство: мол, он ещё рассуждает...

— Так, мелочи жизни, долго рассказывать, да тебе это и неинтересно... — Иванов сделал неловкую попытку навести тень на плетень.

После небольшой паузы Ирина проговорила уже с другой интонацией:

— Иванов, откуда ты знаешь, что мне интересно, а что нет? — и после ещё одной паузы: — Если хочешь знать, то мне интересно всё, что происходит в твоей жизни. Иванов, ты мне нужен весь, со всеми твоими делами, и мыслями, и душой. Приходи ко мне, Иванов, насовсем. Приходи, а?

И замолчала. И Иванов молчал. Такое признание со стороны Ирины было очень неожиданным.

— Подумай, Иванов. Скажу тебе, мы не дети, — у меня были мужчины до тебя. Были. Много или мало — не важно. Наверное, всё-таки немного. Но ты, Иванов, самый лучший из всех. Прости, что я тебя с кем-то сравниваю, сейчас это не важно. Мы не дети. Иванов, ты лучшее, что у меня было и есть. Подумай об этом, прошу тебя. Мне непросто это тебе сказать, но сказать я хотела уже давно. Подумай...

Ирина отключилась. Иванов так и сидел, глядя в лобовое стекло. Под светом фонаря прошла молодая парочка, на лицах улыбки.

В машине опять стало холодно, Иванов вновь запустил мотор.

— Итого, — сказал он сам себе и опять задумался.

Итого. Совсем грустно. Он не предполагал такого развития событий в отношениях с Ириной. Теперь стало как-то неуютно на душе, хотя он никак её не обнадёживал, ничего не обещал, да ей и не надо было этого совместного проживания, Ирина всем своим видом это показывала, а тут — на тебе: давай жить вместе. Это несерьёзно. У Иванова же есть Наденька. Наденька, Наденька, а с тобой-то как быть? Нет, он её не бросит и к Ирине не уйдёт — это однозначно. Хотя Наденька последние два-три года стала его очень сильно раздражать, но Иванов и не показывал вида. А чем раздражала-то? Смешно сказать: бесконечными разговорами по телефону, когда она в деталях рассказывает своим подругам и сёстрам какие-то совсем мелочи. Это может длиться часами. Потом — эти тупые передачи по телевизору и такие же тупые фильмы непонятно о чём. Иванов недоумевал: как это может нравиться? Он считал, что смотреть такое просто неприлично. Ирина, кстати, смотрит то же самое.

Иванов всё чаще и чаще оставался ночевать у себя. Ему хотелось одиночества. Его немного пугала мысль: казалось, что ослабевают либидо, хотя вроде бы всё в норме, но не стало какого-то запала, непреодолимого желания. Может, возраст? Пятьдесят шесть всё-таки. И что в таком случае дальше? В Германию он не поедет — всё, решил. С Ириной отношения придётся прекратить. Если постепенно откажется от Наденьки, то лет через пять настанет то спокойное одиночество, которого он сейчас так ищет, а ещё лет через пять начнётся одинокая старость. И всё.

Иванов включил скорость, потихоньку поехал, остановился — пропустил бабульку с собакой — и поехал быстрее. Куда? Пока не решил.